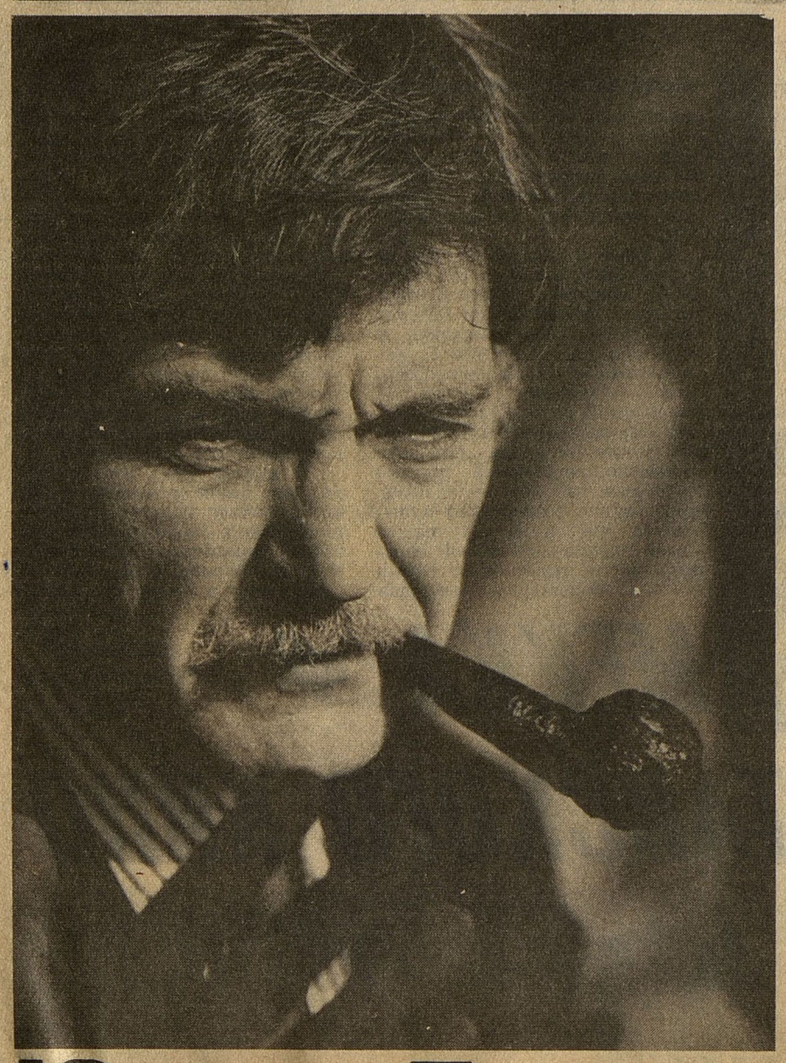
11.02.93

Панич Юлиан

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ НОВОСЛОБОДСКОЙ, 73

136



Юлиан Панич.

Московские каникулы человека из Мюнхена

В буфете Дома кино разговариваю с Юлианом Паничем — бывшим актером и режиссером Ленинградского телевидения, ныне редактором русской службы радио «Свобода». Полагаю, читателям «ЭС» нет смысла представлять человека, который в 70—80-е годы читал им «Нобелевскую лекцию», «Архипелаг Гулаг» Солженицына, Владимира Максимова и Василия Гроссмана, Владимира Войновича, Александра Галича... Наверняка многие с удовольствием увидели лицо Юлиана Панича в тот день, когда на экранах телевидения появилась первая серия фильма Юлиана и Людмилы Панич «Долгая дорога домой». Сейчас они — в Москве с новым проектом.

— Юлиан, вы приехали в Москву как раз в тот момент, когда Богдан Ступка играл «Записки сумасшедшего» в версии, написанной вами и Василием Сечиным. Я знаю, что вы видели спектакль.

— Да. Произошло то самое случайное, которое всегда чем-то подготовлено. Я принимал очень мало участия в создании этой инсценировки. Василий Сечин, который был и остается моим приятелем, сделал инсценировку и принес ее мне как бы на рецензию. Мы читали ее вслух, думали, как это могло бы быть, совершенно не надеясь, что когда-нибудь она зазвучит на русском ли, украинском языке. Версия делалась для зрителей, знающих немецкий.

Богдан Ступка сыграл совсем не то, что слышал я, когда читал строчки Гоголя, доказав еще раз, что актер — не иллюстратор и профессия его самостоятельна. Образ, созданный Ступкой,— не только Гоголь, но и личные нервные связи самого Ступки с сегодняшней жизнью. Уникально умение Ступки вести свою линию, пребывать на сцене параллельно с текстом. Вы можете выключить звук спектакля, но вам все равно будет нестерпимо больно смотреть на героя. Вы можете убрать зрительный ряд, и впечатление будет столь же сильным. Это тот самый симбиоз звука, слова и движения, который так редок в театре.

Во МХАТе я стал свидетелем настоящего праздника искусства. Я сидел в первом ряду и видел пот на лице Ступки, потом смотрел на Ивана Семеновича Козловского, этого великого украинца, в прошлом певчего Киево-Печорской лавры, который приветствовал артиста, с трудом выговаривая слова. А потом два дня я ходил как больной. Это Богдан Ступка сидел во мне с тем кругом мыслей, которые он открыл в знакомом мне тексте. И пока существует эта плеяда актеров — есть еще одно измерение нашей духовной жизни, которое называется театр.

— Ваш новый проект связан с нашими актерами?

— Целиком, полностью от них зависит. На седьмом десятке лет, поработав артистом, на телевидении и на радио, я стал что-то понимать в искусстве. Мое, может быть, неправильное понимание заставляло меня чувствовать себя ужасно неуютно у микрофона радио «Свобода». Я читаю много, и есть определенное число людей, которые относятся к моему чтению со вниманием. Я мечтал сохранить русское звучащее слово. За 36 лет совместной жизни и работы с Людмилой Панич у нас сложилась «team», как говорят на Западе, «мафия» — как говорю я. Мы делали фильмы на Ленинградском ТВ, спектакли в театре «Ленинград-65» (был такой неполучившийся Театр вольнодумцев в Питере). А сейчас во главе русской службы радио «Свобода» оказались люди, которые поверили, что наше дело стоит продолжать. Не знаю, чего тут больше — необходимости не «разбавлять» репертуар нашей станции художественными передачами или ублажить на старости лет этого дурачка Панича. Во всяком случае, по совместной договоренности было сделано несколько инсценировок. Первый опыт радиоспектакля мы сделали тогда, когда Ельцина избрали Президентом и свежи были воспоминания о том, как его била и топтала партия, к которой он принадлежал. Мы рассказали о первом российском президенте — для этого взяли текст пленума ЦК, взяли интервью у Шеварднадзе, Яковлева, Рыжкова — участников этого словоговорения, добавили к этому документальные записи, которые смогли достать, московские актеры говорили текст за Яковлева и Шеварднадзе — в эти моменты врезался живой голос Яковлева или Шеварднадзе. Мы играли вот в такие игры.

Сейчас пришло время сделать художественную программу. Мы столкнулись с интересным и весьма различным материалом.

На радио «Свобода» сохранилось много записей с голосом Сергея Довлатова — для меня того самого Сережи, с которым позавчера еще разговаривали, два дня назад пили водку. Но Сергей стал легендой, и интерес к его творчеству обострен. Первое, что мы здесь записали,— «Представление» из книги «Зона». Спектакль о том, как в условиях лагеря уголовники играют пьесу о Ленине. Однако радио — вещь сиюминутная, оно должно учитывать современный духовный опыт людей. Мы старались сделать спектакль более емким, чем просто анекдот, который разыгран замечательно Львом Дуровым, Всеволодом Абдуловым, Всеволодом Ларионовым. К счастью, я случайно нашел в журнале переписку Сергея Довлатова с его отцом. В письмах Довлатова — психология человека, служащего в конвойных войсках, его стихи того времени.

Вторая работа строится на замечательном литературном материале — рассказе Стивена Кинга «Средство бросить курить». Когда в нашу студию в Доме звукозаписи приходят Смоктуновский, Кваша, Гердт, Догилева и начинают работать с текстом у микрофона, у меня возникает страшное ощущение — как недооценены и как бездарно используются сейчас актеры, по высоте ни с кем не сравнимые. Актеры говорят, что я мало режиссирую. Я отвечаю: а зачем режиссировать, когда вы так подготовлены. И потом, радио не терпит сделанной интонации. Станиславский говорил (и я его мнение разделяю), что первое чтение, самое первое — всегда самое точное. Я только говорю: вот вы, Зиновий Ефимович, пожалуйста, не давайте Иннокентию Михайловичу делать то-то, и наоборот.

Следующая работа — «Иностранка», совсем непритязательная повесть Довлатова об эмиграции, о странной девушке, которая полюбила знаменитого певца, родила ребенка, сдуру эмигрировала, потом страдала от этого, затем влюбилась в испанца, а еще у нее был попугай, который улетел... Новый жанр — двухчасовой спектакль-водевиль. Мы привнесли в водевиль наше знание Квинса, Нью-Йорка, этой эмиграции. Появилась прекрасная возможность встретиться в работе с Таней Догилевой, которая сыграла грубоватую женщину со странными, непредсказуемыми реакциями. Замечательно сыграл знаменитого певца, который никак не может вспомнить, мальчик у него или девочка, и в школу он ходит или в детский сад, Юрий Яковлев. Трудно было найти музыкальный ряд: возьми Кобзона — подумают, что это про Кобзона, Магомаева — что про него. Нашли забытого, популярного в 60-е годы певца. Познакомились с Сашей Абдуловым. Он пришел взволнованный, сказал, что на радио вообще никогда не работал и не знает специфики, но привнес удивительную актерскую освобожденность, которая очевидна в нем и новом (для меня) поколении актеров.

Четвертая работа — пьеса Владимира Кунина. Кстати, все инсценировки для нас сделал именно Кунин — сейчас он в Германии, пишет книгу, сюжет которой с ней связан. У Кунина были заготовки сценария, который рассказывал о русском человеке, бестолковом, бессемейном, живущем в Средней Азии. После землетрясения он пробует жить в разрушенном городе, дружит с узбекским мальчиком, потом мальчик уезжает. Нечто похоже на фильм «Когда деревья были большими» — имею в виду добро, которым полны человеческие отношения. Сегодня, когда в Средней Азии льется кровь, мы иначе объяснили причину разрушения города — это ракеты «Град» бьют по нему, и все время звучат сводки, что то одна, то другая группа захватывает город, а ребята из детского дома умоляют: «Возьми меня с собой». Герой понимает, что ехать в охваченный войной город он не должен, но все равно едет туда, потому что там родился. У него в душе та заноза, которая зовется Родиной. В какой-то мере это автобиографическая вещь — когда на Родине плохо, тянет сюда.

За последние два года я здесь девятый раз. Приезжаю не самоутверждаться, не пожить богатым иностранцем, не пользоваться вниманием и любовью средств массовой информации, но что-то делать, быть полезным людям. Душа не может спать, как бы ни были хороши пирожные на Западе.

Мы «влезли» в абсолютно политическую, хотя и абсолютно человеческую ситуацию. И вот в студии сходятся Олег Табаков и Олег Борисов, и когда я прошу Табакова спеть какую-нибудь песенку, он поет совершенно не про то, что надо,— о каких-то гренадерах в галицийских полях. А в результате мы начинаем и кончаем спектакль этой песней.

Борисов привносит достоверность, помноженную на высший пилотаж актерства. Он говорит медленно, но когда мы попытались немножечко срезать паузы — ничего не получается. Пленка в паузах живет. Лия Ахеджакова сыграла очень здорово, Владимир Абрамович Этуш — наш с Людмилой учитель по театральной школе, но над всем этим такой Табаков! Я влюблен в него, после Обломова я понял, что знаком с великим артистом. Человек занят — у него театр, своя студия, звонит почему-то все время в какое-то министерство — визы для своего театра выбивает, входит в студию, и наступает тот неповторимый момент наполненности, который ничем не отличается от наполненности «Записок сумасшедшего» со Ступкой. Умение соединить текст со своими переживаниями. Вот это и есть актерство. Тот самый потрясающий эффект, когда все умеют играть на рояле, а Рихтер почему-то лучше. Работа называлась «Толчок в восемь баллов», но теперь будет называться как-то иначе.

Последняя работа — впереди. Это «Ребро Адама» — сценарий известного кинофильма, написанного В. Куниным,— с теми же самыми актерами, что снимались в картине. Я не хочу обворовывать режиссера, который сделал замечательный фильм, но условия работы и проката таковы, что из 20 миллионов слушателей нашей радиостанции вряд ли четверть видела этот фильм, а по ТВ он шел в ночное время. Инна Чурикова играет главную роль. Музыка в спектакле Микаэла Таривердиева — она должна осмыслить, углубить нашу концепцию. И все это для радио, для того, чтобы один раз прозвучать на коротких хрипящих волнах «Свободы» и быть положенным в архив. Конечно, для меня, который в конце января вернется в Мюнхен и будет читать сводки новостей или что там подвернется, это были московские каникулы. Конечный результат — эти минуты пленки, которые проскочат среди новостей, которые могут быть в этот день намного интереснее и острее, нежели наши художественные экзерсисы. Все же я думаю, что стране сейчас больше всего не хватает самоуважения, которое возвращает искусство. Можно быть в любом дерьме, но не позволить к себе относиться, как к дерьму.

— Тем более, самим не втаптывать в грязь себя и свое достоинство, не писать о «всеобщей ублюдизации страны», как сатирик Александр Иванов, например.

— Вот. И поэтому мы апеллируем к главному, что в нас есть. Мы все — Богом данное существо, появившееся на этой земле на короткий срок. Нельзя быть черствыми, небрежными к самим себе. А спираль закручивается: включаешь телевизор и видишь наплевательское отношение к человеку, сидящему перед экраном. Может, один процент наших слушателей остановится, послушает замечательных артистов и на секунду поймет, что им дано самое главное — как говорит в финале довлатовского рассказа актер от лица автора — милосердие. И мы из-за бугра, как ни странно, взываем к этому милосердию.

— Юлиан, вы сами актер, ваш голос любим нами. Вы отдаете то, что делали сами, другим. Вы не ревнуете?

— Я очень мало был артистом, больше был теле- и кинорежиссером. А двадцать лет я — радиоголос. Это другая профессия. Хотя я буду ведущим в некоторых спектаклях. В молодости я играл в Александринке, где играли в то время Толубеев, Черкасов, Николай Симонов, Александр Соколов. Играя с Черкасовым масенький эпизодик в «Беге» — я что, пытался его переиграть? Надо же быть идиотом, чтобы сравнивать себя с Николаем Симоновым. Нет во мне этого тщеславия. Может быть, поэтому я не сделал актерскую карьеру. У меня уважение к материалу больше, чем к самому себе.

Конечно, очень хочется быть знаменитым, но ведь знаменитость на пятнадцать минут. Пережил я это в 22 года, когда вышел фильм «Разные судьбы». Мы с Людмилой сидели и думали, как нам пережить этот момент славы. Тогда я понял, что реагировать на это — превратиться в дурака. Я прожил длинную жизнь и не помню, чтобы слава доставляла мне удовольствие. Люди смотрят наш фильм «Долгая дорога домой» (20 января последняя серия) и говорят: «Какой ты человечный там, на экране». Я слушаю и думаю: Погоди, а ты меня видел другим? Что же это за образ я сыграл — человечного Юлиана Панича, который идет домой? Нельзя самообольщаться — это грозит пустотой. Нам некогда было самооцениваться, потому что литература била тебя. И даже недавний Маканин, Каледин — все то, что мы делаем в «Экслибрисе» и с Сергеем Юрененом — моим товарищем по работе в «Поверх барьеров»,— это все намного больше, чем я. Это настоящая литература. Нет, у меня нет ощущения, что я что-то должен был сделать сам, подвинув в сторону самого Борисова.

— Юлиан, в почему так долго шла к нам третья серия «Долгой дороги домой»? Вы решили делать «паузы в пути»?

— И четвертая шла долго. Я связался с одной фирмой, которая существует благополучно,— люди эти пришли в искусство, принеся с собой то беспардонное отношение к человеку, которым они грешили, видимо, и в доперестроечное время, или, наоборот, деньги вскружили им голову. Фильм оказался товаром, на который я не имел право,— я на Западе, они — здесь. И дальше начинается советская реальность, болезнь, корь, которой нужно переболеть,— стадия первоначального накопления капитала, после которой наступит нормальное время, когда искусством будут заниматься бизнесмены, понимающие, что автор, режиссер, актер защищены юридически. Серии шли с диким разрывом. Получилась уродливая вещь: монолог разрезан на четыре части. По первой договоренности он должен был идти хотя бы раз в неделю, а лучше два. И построены фильмы — как продолжение, развитие. Теперь же он оказался разбит на отдельные «авторские передачи» — так они почему-то объявляют. Эти хозяйчики умудрились изменить титры, вырезать имя одного продюсера, вставить других. Но мне после нашего разговора не хочется говорить об этом.

— Назвать эту фирму вы не хотите?

— Нет, потому что тогда это окажется случаем, нетипичной историей. И так будет до тех пор, пока люди душевно черствые, помешанные на получении денег...

— Этими же руками трогают музыку...

— Да, музыка не звучит. Впрочем, могло быть еще хуже.

— Как будет называться новая программа?

— Может быть, Театр Юлиана Панича. Это не самореклама, но знак, адрес, кто за работу отвечает. Некого обвинять, кроме меня. Надеюсь, пойдут в удобное время, будут повторяться на длинных волнах, чтобы было слышно.

— Я тоже надеюсь.

Беседовала
Марина ТИМАШЕВА.

Экран и сцена

10-